

ОЛЕГ ФЕДЮШИН

1917

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ

УКРАИНСКАЯ
ДЕРЖАВА

ПЛАН ГЕРМАНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ПО АННЕКСИИ ЮГА РОССИИ

1918

Олег Федюшин

**Несостоявшаяся Украинская
Держава. Планы германского
Генерального штаба по
аннексии Юга России. 1917–1918**

«Центрполиграф»

1971

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)6

Федюшин О. С.

Несостоявшаяся Украинская Держава. Планы германского
Генерального штаба по аннексии Юга России. 1917–1918 /
О. С. Федюшин — «Центрполиграф», 1971

ISBN 978-5-9524-5788-1

Период 1917–1918 годов явился кризисным и трагическим в истории Украины и других государств, образовавшихся на руинах Российской империи. Глубокое исследование профессора О. С. Федюшина касается не только экспансии Германии на Восток, но и проблем Крыма, Черноморского бассейна, польского вопроса, а также взаимоотношений России и Германии. Детально анализируются усилия Германии по свержению Рады и установлению гетманства генерала Скоропадского. Ученый основывается на немецких и австрийских архивных материалах, которые после падения Берлина в 1945 году были захвачены союзниками. Федюшин представляет разные точки зрения на сложнейшие политические вопросы и корректно излагает свое видение проблемы, давая четкую оценку политике Германии на Востоке. Ранее книга издавалась под названием «Украинская революция. 1917–1918» В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)6

ISBN 978-5-9524-5788-1

© Федюшин О. С., 1971
© Центрполиграф, 1971

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Украинское национальное движение в начале Первой мировой войны	8
Глава 2. Военные цели Германии на Востоке и в Украине, 1914–1916 годы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Олег Федюшин
Несостоявшаяся Украинская Держава.
Планы германского Генерального штаба
по аннексии Юга России. 1917–1918

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2022

* * *

Посвящается Ирине

Предисловие

Цель книги двоякая: объяснить несколько упущенный аспект германской восточной политики в период Первой мировой войны и способствовать лучшему пониманию наиболее критической фазы украинской национальной революции 1917–1918 годов. Это было время, когда украинское движение добилось несколько впечатляющих побед и тем не менее претерпело свои самые тяжелые неудачи.

Я намеревался представить глубокое, обстоятельное и полностью документированное толкование как немецкой оккупации, так и украинского национального движения в этот период. Фактически немецкие и австрийские архивные материалы, на которых главным образом основывается книга, не были доступны ученым-исследователям после окончания Второй мировой войны. Относящиеся к теме документы союзники захватили после падения Берлина, их доставили в Соединенные Штаты для изучения и микросъемки. Установленным порядком их вернули западногерманскому правительству в Бонне.

Рассматриваемая в этой книге проблема к тому моменту, когда я занялся ею, практически не была изучена, поэтому два блестящих исследования, вышедших в 1950 году: «Украинская революция, 1917–1920 гг.» Джона С. Решетэра и «Образование Советского Союза: коммунизм и национализм, 1917–1923 гг.» Ричарда Пайпса – оказались весьма полезны. Первое представляет собой ценный аналитический материал по немецкой оккупации Украины, основанный на опубликованных источниках, второе трактует события того периода в более широком аспекте социальных и национальных революций нерусских народностей, населявших Российскую империю. Именно тогда, когда я писал свою книгу, немецкая историография обогатилась фундаментальным исследованием военных планов рейха того периода «Схватка за мировое господство: военная политика кайзеровской Германии, 1914–1918 гг.» Фрица Фишера (на сегодня, бесспорно, наиболее амбициозным в этой области), а также прекрасной монографией Винфрида Баумгарта «Немецкая восточная политика, 1918 г.». Я ознакомился не только с этими, но и со многими другими работами по современной истории и политике Германии, но все же главными при работе над книгой оставались архивные материалы Германии и Австро-Венгрии, а также некоторые другие.

Большая часть книги посвящена периоду с марта 1917 (Февральская революция в России) по ноябрь 1918 года (поражение держав Центрального договора). Время до переговоров о мире в Брест-Литовске и они сами трактуются в довольно широком контексте, поскольку отражают эволюцию германских планов на Востоке в связи с быстро менявшейся обстановкой в этом регионе. Еще больше внимания уделяется периоду с марта по ноябрь 1918 года, когда немцы реально контролировали Украину, Крым, другие восточные территории и последовательно осуществляли свои планы, каковы бы несовершенны и противоречивы они ни были.

В книге делается акцент скорее на самых планах, чем на их осуществлении. Я имею в виду прежде всего немецкие устремления в отношении Украины, главного «приза» немецкой экспансии на Восток, и в отношении Крыма, полуострова, которым они заинтересовались особенно после оккупации. Политика рейха в Украине и все происходящее здесь освещается с большей полнотой, чем события в Крыму. Сама же революция показывается главным образом на фоне экспансии Германии на Восток в целом и в Украину в частности. Такая важная тема, например, как украинское сопротивление, рассматривается только вскользь.

Германские планы и политика в Прибалтике, Белоруссии и на Кавказе затрагиваются прежде всего для сравнения. Советско-германские отношения, обращение немцев с русскими монархистами, германские планы относительно Дона и Кубани, а также польский вопрос раскрываются лишь в той степени, в какой это способствует лучшему пониманию планов и реальных действий немцев в Украине и Крыму. С другой стороны, я довольно обстоятельно рас-

смотрел конфликт между военными магнатами рейха и МИД, поскольку разногласия между ними неоднократно осложняли украинское предприятие Германии.

В книге довольно обстоятельно рассматривается также политика австрийцев в Украине, хотя Австро-Венгрия играла второстепенную роль в происходивших там событиях. Несмотря на очевидную компетентность в восточных делах, государству «двойной монархии» не хватало ни средств, ни решимости для проведения независимого курса в Украине. Противоречия и разногласия в отношениях Вены и Берлина, ее, как правило, прохладные и натянутые отношения с Киевом тем не менее подтверждают очевидность украинской авантюры Германии.

Я применил термин **Восток** и производные от него понятия так, как они используются в германских и австрийских исследованиях по данной теме. Под **Востоком** подразумевается обширная и не всегда четко обозначенная территория европейской части Российской империи и прилегающих к ней районов. В тексте сохраняются многочисленные немецкие, украинские и русские термины, главным образом из-за отсутствия их эквивалентов в английском языке. Все незнакомые иностранные понятия, по мере появления последних на страницах издания, разъясняются.

Славянские титулы и звания упоминаются в соответствии с модифицированной системой, принятой в библиотеке конгресса и используемой в Колумбийском университете. Украинские авторы, фамилии и географические понятия приводятся в национальной версии, российские – в собственной. Там, где это возможно, использована англоязычная форма имен известных деятелей. Тот же метод применяется и в отношении географических названий.

Работу над книгой значительно облегчили стипендия, выделенная на исследования фондом Форда в 1958–1959 годах, а также два летних гранта от Райсовского университета. Замысел по ее написанию возник несколько лет назад, в ходе семинара профессора Филиппа Е. Мосли по внешней политике России в Колумбийском университете. Он с тех пор оставался для меня главным источником вдохновения. Также хочу поблагодарить Ханса В. Гацке и Фрица Т. Эпштейна за ценные советы в начале исследования. Особых слов заслуживает Генри Л. Робертс за помощь и поддержку в защите докторской диссертации в Колумбийском университете. Я безгранично признателен моему другу и коллеге Ивану Л. Рудницкому из Американского университета за полезные замечания при заключительном прочтении рукописи.

Мои искренние слова благодарности Е. Зюбликовичу, директору Восточно-Европейского научно-исследовательского института имени В.К. Липиньского, за содействие в получении необходимых австрийских документов. Также большое спасибо сотрудникам библиотеки Колумбийского университета, публичной библиотеки Нью-Йорка, библиотеки конгресса и Национального архива за профессиональную помощь, оказанную на различных этапах написания этой книги. Все они, разумеется, не несут ответственности за содержание исследования.

Глава 1. Украинское национальное движение в начале Первой мировой войны

Украина, некогда известная как «житница Европы», все еще ассоциируется с бескрайними пшеничными полями. К этому информированный читатель может сегодня добавить гигантские промышленные комплексы Донбасса, а также богатые месторождения Кривого Рога и Никополя. Сохраняется общее впечатление значительного промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны. Не столь очевидна политическая роль народа, составляющего пятую часть населения СССР и населяющего территорию, которая превосходит по размерам объединенную Германию.

Хотя сегодня немногие ставят под сомнение этнические, лингвистические и культурные особенности украинцев, историческое же прошлое этого народа все еще смутно представляется за рубежом, а его политические достижения последнего времени больше рассматриваются в контексте истории России и не подлежат отдельному толкованию. И все же дважды в течение XX века, во время мировых войн, украинцы поднимались на борьбу за национальную и политическую самостоятельность, хотя и безуспешно. На самом деле за минувшие три столетия украинской истории стремление к свободе и независимости от могущественного северного соседа являлось доминирующим. Эта борьба, несомненно, продолжится в будущем, даже если она, по всей вероятности, будет происходить менее открыто.

Отсутствие интереса у внешнего мира к Украине отчасти усложняет дело. В конце концов, гораздо проще воспринимать Россию как единое государство с однородной нацией, чем вникать в запутанные и сложные проблемы различных нерусских народностей, которые на сегодняшний день составляют более 50 процентов населения Советского Союза.

Хотя в начале Первой мировой войны лишь немногие знали о существовании украинской нации, а сами украинцы в подавляющем большинстве только начинали размышлять о независимости и отделении от России, их избранные лидеры в лице Центральной рады (Совет), заседавшей в Киеве, в январе 1918 года провозгласили Украину независимым государством. В феврале, стремясь сохранить независимость, Рада заключила сепаратный мир с кайзеровской Германией, предотвратив, таким образом, установление контроля большевиков над этой богатой территорией. Если бы украинцам удалось сохранить независимость после Первой мировой войны, Россия лишилась бы своего главного источника снабжения продовольствием и сырьем. Более того, она потеряла бы прямой доступ на Балканы и в центральную часть Восточной Европы, оказалась бы отброшенной от Черного моря. Короче говоря, Россия перестала бы быть великой державой. Разумеется, европейская история сложилась бы совершенно иначе, а Украина со своими колоссальными природными ресурсами, развитой промышленностью и сельским хозяйством, населением, достаточно образованным для реализации этих преимуществ, естественно, могла превратиться в одну из ведущих европейских держав.

В книге идет речь о попытке украинцев добиться этой цели в ходе Первой мировой войны. В этой главе дан краткий анализ украинской проблемы накануне критического периода в национальной истории и рассмотрено влияние войны на самосознание украинцев, готовившихся к борьбе за независимость.

Ключ к пониманию прошлого Украины кроется в ее огромных природных богатствах и отсутствии естественных, легко охраняемых границ. На протяжении всей своей истории она являлась местом для вторжения и добычей алчных мародеров. В Средние века Украина представляла собой самый восточный форпост Запада в его бесконечных столкновениях с Востоком. Затем часть ее территории перешла под контроль татар и турок. Далее ослабление Османской империи превратило Украину в яблоко раздора между Польшей и Россией, и, наконец,

в XX веке она стала наиболее привлекательной целью для реализации германских планов и амбиций на Востоке.

Украинцы не были исторической нацией, хотя и гордились тем, что их независимая государственность берет начало в Киевском княжестве, государстве, уничтоженном в результате монгольского нашествия 1240 года. В период господства Литвы, который последовал за ним, идея независимой государственности не приобрела жизненной силы. Более того, центр политической жизни региона вскоре переместился из Литвы в Польшу, поставив, таким образом, Украину под контроль этого государства. До 1640 года украинские казаки во главе с гетманом Богданом Хмельницким предпринимали попытки избавиться от польского господства. Вначале эта борьба велась весьма успешно. Однако вскоре, после ряда кровопролитных, но завершившихся ничем битв, Хмельницкий решил пойти на соглашение с Москвой. Это постепенно привело к полному политическому доминированию в Украине лучше организованного и более решительного северного соседа. Секретное соглашение гетмана Ивана Мазепы, бывшего предводителем казаков, со шведским королем Карлом XII против Петра Великого, за которым последовала катастрофичная по своим итогам Полтавская битва (1709 г.), знаменует завершение усилий украинцев добиться независимости в период казачьей вольницы.

В XVIII веке в результате разделов Польши большая часть Украины попала под российское господство, и в короткий промежуток времени все эти земли вошли в состав Российской империи.

Это само по себе не было столь уж трагично в сравнении с почти полной утратой самобытности из-за русификации, а также политической и социальной интеграции, самоидентификации украинской земельной аристократией, сословием, которое ранее также понесло потери в результате полонизации. Вследствие чего культурная, образовательная и политическая жизнь украинских городов изменилась на иностранный лад (главным образом под влиянием русских или поляков, отчасти евреев). Этим обстоятельством прежде всего объясняется слабость украинского национального движения в последующий период и, в значительной степени, поражение украинской национальной революции 1917–1921 годов.

Процесс политического и социального поглощения украинских земель Российской империей совпал с украинским культурным возрождением, начавшимся с публикации пародии Ивана Котляревского на «Энеиду» в 1798 году. Она была написана на отброшенном за ненужностью родном украинском языке, на котором тогда говорили лишь крестьяне. Появление этого произведения не только ознаменовало поворотный момент в украинском культурном возрождении, но и заложило основу для развития современного украинского языка. Эти процессы вскоре нашли своего величайшего приверженца в лице Тараса Шевченко (1814–1861), выдающегося украинского поэта XIX столетия. Ему суждено было также стать поборником возрождения украинской национальной идеи. Это движение, однако, набрало однако силу только к концу столетия после смерти Шевченко.

Таким образом, несколько десятилетий украинский национальный ренессанс ограничивался главным образом литературой и культурой. Секретную дипломатическую миссию в 1791 году украинского дворянина Василя Капниста в Пруссию в поисках помощи для противостояния России следует рассматривать скорее как эпилог к эпохе казачьей вольницы, чем прелюдию к борьбе за национальное освобождение Украины, поскольку эта борьба не набирала полную силу до второй половины XIX столетия. Такое, казалось бы, благоприятное событие, как вторжение Наполеона в Россию в 1812 году, лишь немного всколыхнуло украинцев, а Польское восстание 1830–1831 годов привело к очередному выражению лояльности и поддержке трону в надежде, что царь будет более восприимчивым к постоянным просьбам восстановить прежнюю казачью автономию и особенно привилегии, которые, как считали, полагались потомкам бывших казачьих старшин.

Именно классовый подход к украинской проблеме – желание бывших казачьих старшин быть русскими дворянами – дал толчок развитию аристократического направления в украинской историографии. Таким образом, украинское национальное возрождение изначально не пользовалось широкой народной поддержкой, и Украина продолжала служить полем сражения для поляков и русских, боровшихся за культурное и политическое преобладание в регионе. Тот факт, что многие дворяне украинского происхождения находились по обе стороны этой борьбы, имел для национального движения негативные последствия. С другой стороны, это серьезно ослабило усилия Москвы, старавшейся поглотить и русифицировать украинские провинции. Более того, активность польского меньшинства в Правобережной Украине (территория к западу от Днепра) преподала местному населению полезный урок и заставила его серьезно задуматься о своей собственной национальной идентичности.

Очевидно, что украинцы испытывали затруднения в выборе между Польшей и Россией. Впоследствии они не раз пытались найти поддержку третьей силы в борьбе против своих агрессивных соседей. Гетман Хмельницкий прибегал к помощи татар в борьбе против Польши, а затем призвал москалей. Мазепа пошел на сговор со шведами против России. Секретная поездка Василя Капниста в Пруссию в 1791 году также была предпринята с целью добиться помощи в борьбе против Москвы. Во время Крымской войны (1854–1856 гг.) польско-украинский авантюрист Михаль Чайковский, известный также под именем Садык-паша, сформировал в Турции украинский казачий легион, предназначенный для борьбы против России. А во время Первой и Второй мировых войн украинцы сотрудничали с Германией.

Однако эти временные альянсы с другими державами обычно обговаривались и осуществлялись тайком, они редко пользовались поддержкой широких народных масс. Некоторые из них были явно непопулярными и малопонятными для большинства населения. К таким союзам можно отнести секретное соглашение Мазепы со шведским королем Карлом XII. Впоследствии современные лидеры украинского движения все больше и больше опирались на собственные ресурсы и добивались расширения социальной базы поддержки именно на родине. Начало обретения популярности украинской национальной идеи в современный период истории отождествляется прежде всего с ростом активности народной интеллигенции в России в 40-х годах XIX века. Расширение ее от границ малороссийского регионализма к движению с отчетливым политическим подтекстом связывают с влиянием Тараса Шевченко.

Шевченко был не просто величайшим украинским поэтом того времени, но также национальным пророком. Бывший крепостной, чьи пламенные поэмы звали к национальному и социальному освобождению украинского народа, создал вместе с небольшой группой украинских интеллектуалов федералистское объединение, известное под названием Братство Святых Кирилла и Мефодия. Хотя царская полиция вскоре разгромила эту организацию и арестовала ее руководителей, идея славянской федерации продолжала господствовать в украинском политическом мышлении и в XX веке, пока ее не сокрушил большевистский централизм Ленина.

Отмена крепостного права в 1861 году (это был также год смерти Шевченко) придала дальнейший импульс развитию народного движения в Украине с большей политической ориентацией, как и в других регионах Российской империи. Народники, известные в Украине как холопоманы (крестьянолюбцы), были в целом столь же неудачливы в стремлении привлечь крестьян на свою сторону, как и их русские единомышленники. Таким образом, украинскому движению не удалось добиться широкой народной поддержки, в которой оно нуждалось, чтобы стать реальной политической силой в стране. Сознывая собственную слабость, ее лидеры проявляли скромность и сдержанность при определении планов на будущее. Фактически же едва дотягивали до политической программы, поскольку не выходили за рамки «продвижения малороссийской литературы и публикации просветительских материалов на малороссийском языке в целях распространения среди народа полезных знаний».

Но даже такая программа была неприемлема для российских чиновников. Встревоженные Польским восстанием 1863 года, они решили покончить с «украинской угрозой» в зародыше, прежде чем она могла докатиться до столицы империи. В качестве превентивной меры появился указ царского министра внутренних дел графа Валуева П.А. от 1863 года. Он представлял собой административный декрет, запрещающий все просветительские и религиозные книги, изданные на украинском языке. Хотя этот шаг властей серьезно затруднил просвещение масс, подъем национального самосознания среди дворянства продолжался, в украинских городах возник ряд тайных просветительских организаций, называвшихся громадами. Они не отличались ни политическим радикализмом, ни узким национализмом. В условиях же российской реальности они могли существовать только негласно – царская полиция следила за их деятельностью весьма пристально. Громады едва могли похвастаться организованностью, а в их деятельности не хватало прежде всего координации. Киевская организация неофициально играла роль центра, а ее руководители, политический теоретик Михайло Драгоманов и историк Володимир Антонович, считались лидерами движения. Именно Драгоманов разработал серьезную политическую программу, основанную на принципах демократизации и федерализации как австро-венгерской, так и российской монархий, которые господствовали на украинских землях. Программа предусматривала равные права основным славянским народам – русским, украинцам и полякам. Драгоманов, как авторитетного ученого, хорошо известного всей России, громады единогласно выбрали руководителем миссии по созданию центра украинской политической и научной деятельности за рубежом. (Драгоманов занимал этот пост в Женеве несколько лет, а затем в 1889 году вернулся к научной деятельности, став профессором Софийского университета в Болгарии.) Необходимость пребывания Драгоманова за границей была вызвана даже более строгим царским указом, изданным в Эмсе (1876 г.), который запрещал все публикации на родном языке вместе с украинской культурной и просветительской деятельностью. В дальнейшем эти меры ослабили украинское движение в Российской империи и еще больше ограничили его связи с массами. Но постепенно оно становилось все более радикальным.

Было бы неверно увязывать возрастание интереса к Украине на Западе с усилением борьбы с украинофильством в царской России 1860–1870 годов. Украинский вопрос вообще никогда не сходил с европейской политической сцены. (Для тех, кто обсуждал эту тему позднее публично, он заключался в поисках национальной идентичности и культурной автономии, а в конечном итоге – в борьбе за политическую независимость украинского народа.) На Западе не забыли о стремлении Хмельницкого и Мазепы добиться независимости Украины. К тому же имелись способные и убежденные украинские политические эмигранты, среди которых соратник и приемник Мазепы Пилип Орлик, который после поражения в битве под Полтавой (1709 г.) отправился в Турцию, чтобы продолжать борьбу против России.

Важный вклад в дело информирования остального мира об Украине также внесли многочисленные зарубежные гости и путешественники, изучавшие Россию. Их поражали различия между северной частью империи и более приветливой, богатой и, кроме того, строптивой и независимой южной, населенной украинцами.

На многих иностранных граждан, побывавших в этой части империи, наибольшее впечатление произвело богатство украинского фольклора. Они начали его систематическое изучение еще задолго до отечественных ученых. За несколько десятилетий до рождения Шевченко, в то время когда было забыто само название «Украина», немецкий философ Йохан Готфрид фон Гердер, творивший в эпоху русской императрицы Екатерины Великой, заявил следующее: «Славяне были пасынками истории, но с течением времени это пройдет, и Украина, возможно, станет однажды новой Элладой».

Количество зарубежных гостей, посетивших Украину в XIX веке, значительно возросло. И больше всего среди них было немцев. В данный период появилось немало ученых, занимав-

шихся изучением России и славянского мира в целом. Кроме них среди первых исследователей украинского национального движения были немецкие политологи и наблюдатели. Некоторые заходили так далеко, что призывали к расчленению Российской империи и созданию независимого украинского государства. Одной из первых организаций, разработавшей такой план и добивавшейся его поддержки со стороны немецкого канцлера, князя Отто фон Бисмарка, была Еженедельная партия, состоящая из либеральных аристократов, которые рассматривали Англию в качестве идеала. Она проявляла особую активность во время Крымской войны и включала в свои ряды такого выдающегося немецкого деятеля, как Мориц Август фон Бетман Гольвег (старший) – бывший министр прусского кабинета.

Примерно в то же время (март 1854 г.) прусский посланник в Лондоне Карл Йосиас фон Бунсен сделал аналогичное предложение своему правительству в секретном меморандуме.

Отделение «Малороссии от Великой России», то есть создание независимой Украины, свободной от контроля русских, вновь предлагал в 1861 году Курт фон Шлёцер, второй секретарь посольства Пруссии в Санкт-Петербурге.

Затем, незадолго до отставки Бисмарка, немецкий философ Эдуард фон Хартман открыто призвал к созданию сепаратного украинского государства, предложив назвать его Киевским княжеством.

Ни канцлер Бисмарк, ни его преемники не проявляли большого интереса к осуществлению таких планов на Востоке. Недавние исследования «остполитик» Бисмарка полностью подтверждают этот вывод. Густав Рейн в книге, посвященной его деятельности, весьма убедительно показывает, что канцлер последовательно противился революциям и в целом придерживался миролюбивой внешней политики. Согласно утверждениям другого автора, Рейнгольда Витрама, Бисмарк отказывался от любых планов, направленных на расчленение России. Более того, он соглашался с царской политикой русификации прибалтийских провинций, в которых имелись крепкие и хорошо организованные немецкие общины.

Между тем немецкие эксперты по восточному вопросу продолжали внимательно следить за политической, социальной и литературной жизнью в Украине. Даже те, кто воспринимал Россию как единое целое и не поддерживал идею по ее расчленению, начинали рассматривать «существование Малороссии и ее политического движения (украинского национализма) как весьма серьезную проблему».

При всей своей многочисленности немецкие поселенцы в Украине слабо влияли на рост интереса рейха к этой территории и усиление здесь собственного влияния. В предвоенный период их насчитывалось около 600 тысяч (около 2 % населения Украины и примерно четверть всей численности немцев в Российской империи).

Ни германское правительство, ни большинство частных германских организаций не проявили интереса к судьбе своих соотечественников на Востоке, возможно, потому, что большинство из них принадлежали к семьям, которые эмигрировали много лет назад, во время правления Екатерины Великой. Немецкие «колонисты» в Украине, жившие большей частью в зажиточных, хорошо организованных общинах, сохраняли свой язык, религию, обычаи, но редко поддерживали постоянные связи с родственниками на родине.

Германские финансовые круги также не очень заботились о политическом статусе Украины, хотя в начале Первой мировой войны Германия была третьим крупнейшим иностранным инвестором в России, чьи вложения оценивались в 441,5 млн рублей, что составляло 19,7 % всех иностранных капиталовложений. Значительность германских экономических интересов в Украине подтверждает, что более одной трети немецкого капитала было инвестировано в горнодобывающую и металлургическую промышленность (160 и 69 млн рублей соответственно), значительная часть предприятий которой размещалась в Украине. Недавние советские исследования проблемы показывают, что влияние германского капитала в Украине было существенным. Они подчеркивают значение частных немецких капиталовложений в различные

российские и иностранные предприятия, финансовый контроль немцев над французскими, бельгийскими и другими фирмами в России, а также влияние немецких технических специалистов и германо-русских деловых кругов на экономическую жизнь империи в целом.

Однако нет никаких доказательств того, что эти германские круги оказывали сколько-нибудь серьезное влияние на украинское национальное движение или в какой-либо мере затрагивали политику рейха в этом регионе, несмотря на советские уверения в обратном. Как известно, советские исследователи единодушны в утверждении, будто Германия еще с середины XIX века активно добивалась расчленения Российской империи и создания независимой Украины. Одним из ревностных сторонников данного тезиса (не подкрепляется никакими достоверными источниками) является Ерусалимский А.С., известный советский эксперт по германской дипломатии. Он постоянно утверждает, будто экспансионистские планы германских империалистов неизменно пользовались поддержкой правительства рейха, Верховного военного командования и немецких колонистов, прибывших в Украину и Крым и поселившихся вдоль стратегически важных железных дорог.

(Разумеется, любой школьник знает, что паровой двигатель был изобретен не в период правления Екатерины Великой, то есть как раз в то время, когда германские колонисты селились в этих местах.)

Накануне Первой мировой войны лишь небольшое число немецких экспертов по восточным делам было знакомо с украинской проблемой. Широкую общественность, так же как и большинство представителей официальных кругов этой страны, проинформировали о сути вопроса только после начала военных действий на Востоке. На начальном этапе войны германская «остполитик» не предусматривала каких-либо практических шагов в отношении Украины или других территорий Российской империи.

В последние десятилетия перед Первой мировой войной царский режим проводил политику подавления национальных движений внутри империи. Однако, несмотря на то что в обществе вводились жесткие ограничения, властям все сложнее было отвечать на вызовы со стороны нерусских народных движений, прежде всего в Украине. Это национальное движение получало активную поддержку со стороны украинских лидеров, находившихся в эмиграции, а также значительная помощь ему оказывалась с территорий, неподвластных России, особенно Восточной Галиции.

Другим важным процессом конца XIX столетия, происходящим в Украине, была быстрая индустриализация. Она сопровождалась небывальным ростом городов, увеличивающейся пролетаризацией масс и активным ввозом иностранного капитала со всеми вытекающими экономическими, социальными и политическими последствиями. Украина не только быстро становилась местом активизации национального движения, но также одним из ведущих центров экономической и социальной революций в Российской империи.

В украинском национальном движении после утраты им массовости ведущую роль продолжала играть интеллигенция. Однако это уже была более сложная по своему составу классовая прослойка, многие представители которой все больше тянулись к идеям социализма. Две тенденции этого движения переплелись в революционных событиях 1905 года, а сами украинские лидеры того периода были призваны сыграть решающую роль в русской революции 1917 года и в процессе украинского национального возрождения, который за ней последовал.

Процесс развития политических партий в Украине можно проследить в два последних десятилетия перед Первой мировой войной. Но более важным явился рост национального самосознания среди рабочих, определенных слоев среднего класса, помещичьего сословия и крестьянских масс. На этом историческом этапе украинская литература приобрела самобытный характер, а историография и другие общественные науки достигли впечатляющих успехов. Этот период явил научному миру таких выдающихся ученых, как историк Михайло Хрущевский, и известных и признанных во всем мире писателей: И. Франко, Л. Украинку и М.

Коцюбинского. Украинские культурные, научные и прочие достижения, бесспорно, придали мощный импульс национальному движению в переломный период своего развития.

Тем не менее в начале Первой мировой войны и в период крушения царского режима в России украинское национальное движение еще не получило должного развития и поэтому оказалось не готово использовать возникшие возможности. Сознавая собственную слабость и отдавая себе отчет в новой социальной реальности, сложившейся в России, украинцы установили тесную связь с социалистическим и демократическим движением в других регионах империи. Национальные лидеры предвоенного периода, за небольшим исключением (Украинская революционная партия М. Михновского), ставили своей целью достижение автономии и в публикациях или заявлениях ограничивались лишь требованиями демократизации России и ее децентрализации на федеральной основе. Разумеется, многие из них мечтали о славе и независимости своей Родины, но это считалось дальней перспективой и даже не подлежало публичному обсуждению.

Таким образом, начало Первой мировой войны застало украинских лидеров в состоянии душевного равновесия и осторожного оптимизма. Они открыто высказывали лояльность России и искренне надеялись решить национальную проблему в контексте внутривнутриполитической реальности без вмешательства извне. Центральная же власть, в свою очередь, не торопилась привлекать украинцев к борьбе против общего врага. Напротив, продолжала проводить линию на их преследование и унижение. Царский режим, вместо предоставления украинцам некоторой свободы в культурной жизни, что способствовало бы укреплению лояльности и росту воодушевления второго по численности народа Российской империи, использовал начало войны как предлог для подавления украинского движения. Национальные организации и выпускаемые ими печатные материалы запрещались, некоторые лидеры подверглись арестам и высылке, среди них оказался профессор М. Хрущевский, который только что вернулся в Россию из-за границы.

Новые усилия царского режима по подавлению украинского движения совпали по времени с наступлением русской армии в Галиции, где оно располагало более широкой социальной базой. Эта территория, также известная как Западная Украина, с середины XIV века находилась под властью Польши. Сам факт, что в результате раздела этого государства в 1772 году она официально стала числиться частью Австро-Венгрии, мало что изменил в политической жизни населения данной территории. Тем не менее в последующий период галичане пользовались значительно большей степенью свободы, чем украинцы, находившиеся под властью царя.

К середине XIX столетия пробуждение национального самосознания украинского населения в Галиции, ранее проявлявшегося прежде всего в области литературы и культуры, стало приобретать определенную политическую окраску. (Следует отметить, что весь XIX век украинцы, населявшие эту территорию, как националистически настроенные, так и те, кто ориентировался на Россию, продолжали называть себя жителями Рутении.) Ограниченная парламентская демократия в Австро-Венгрии – стране двойной монархии, пример польской общины, более организованной и политически ориентированной, а также общая либеральная и просветительская атмосфера, царившая в империи, возглавляемой Францем-Иосифом, стимулировали дальнейшее развитие украинского национального движения. Развитие пророссийских организаций Рутении (их участники считали себя русскими) в Галиции в конце прошлого столетия, а также растущая напряженность между Веней и Санкт-Петербургом, безусловно, влияли на укрепление позиций националистических кругов в этом регионе. Восточная Галиция, населенная преимущественно украинцами, оставалась в основном под польским влиянием с ведома и полного одобрения центральной власти в Вене.

Украинцам, населявшим Галицию, оказывали помощь их соотечественники с Востока. В 1870–1880 годах, когда национальное движение в России продолжало подвергаться ограничениям, часть его лидеров уехали за границу, другие же ушли в подполье. Но гораздо большее

число участников перенесли свою деятельность в Галицию. Это превратило Западную Украину в настоящий Пьемонт национального движения, приблизило Галицию к основной тенденции украинской жизни и, таким образом, в 1919 году подготовило условия для ее постепенного объединения с остальными украинскими землями. Основы социалистического движения в Галиции заложил именно Михайло Драгоманов. А позднее такие выдающиеся ученые и национальные лидеры, как историк Михайло Хрущевский, которому было суждено стать отцом национальной революции и первым президентом Украинской народной республики, играли активную роль на данной территории до начала Первой мировой войны.

Несмотря на последовательную пропольскую политику Вены в Галиции, украинцы, населявшие эту территорию, проявляли в начале Первой мировой войны полную лояльность режиму Габсбургов. Поскольку они осознавали относительные преимущества, которыми располагали в Австро-Венгрии, и усматривали в победе русских на Востоке реальную угрозу для будущего украинского движения, постольку становится понятным их настроение.

Впоследствии, когда в первые дни войны Вена разрешила украинцам организовать добровольческий корпус для борьбы против России, 28 тысяч человек в возрасте до 20 и свыше 40 лет, то есть те, кто не подлежал призыву, выразили готовность выступить на стороне Австро-Венгрии. Однако вскоре, уступая давлению польской стороны, Вена позволила лишь 2500 из них остаться в Украинском легионе метких стрелков (Сичови стрелцы, сичевики), в то время как поляки сформировали не менее пяти бригад под командованием Юзефа Пилсудского.

Хуже всего, что польские и венгерские войска, а также военное командование в Восточной Галиции (прифронтовая зона), поддавшиеся слухам о происках «русских агентов» и про-русских симпатиях среди украинских крестьян, прибегли к массовым арестам и казням. Быстрое отступление отсюда австрийцев в конце 1914 года под натиском русских войск сделало подобную практику еще более распространенной. В первые месяцы войны, согласно оценке украинского историка того периода, тысячи соотечественников были казнены и свыше 30 тысяч сосланы в лагеря особого содержания в Австрии.

Вслед за оккупацией русскими войсками Восточной Галиции в конце 1914 года здесь начался новый этап репрессий. Центральная власть дала санкцию на уничтожение всех культурных и просветительских местных учреждений. Использование родного языка строго воспрещалось, а украинская греко-католическая церковь Галиции подвергалась жестоким преследованиям. Возглавлял эту акцию, направленную на русификацию населения, обращение его в православие и постепенное поглощение этой территории Российской империей, граф Бобринский А.Г. Вскоре были арестованы и высланы тысячи известных людей, в том числе митрополит украинской греко-католической церкви граф Андрий Шептицкий. Отступление русских войск из Восточной Галиции в середине 1915 года сопровождалось насильственной эвакуацией тысяч крестьянских семей.

Неудивительно, что действия, совершавшиеся на этой территории венгерскими и польскими войсками, расценивались как обычные злоупотребления. Несмотря на преследования и явное предпочтение, которое власти отдавали полякам, украинское население Галиции продолжало сохранять верность режиму и ориентироваться на Вену. В то время как старейшее австрийское воинское формирование, знаменитый Пражский полк, перешло в 1915 году на сторону русских, украинский добровольческий легион Галиции вновь и вновь подтверждал звание лучшей боевой части австро-венгерской армии. И все же вслед за отступлением русских войск в 1915 году галицийские украинцы, к их неудовольствию, опять столкнулись с абсолютным безразличием Вены к собственным ожиданиям большей культурной и просветительской автономии. В то же время в октябре 1916 года в торжественном «Манифесте к полякам» австрийский и германский монархи пообещали воссоздать польское государство. Это предполагалось сделать за счет польских провинций, захваченных у России и Галиции, в том числе ее восточной части, в основном населенной украинцами.

Первая мировая война явилась нелегким испытанием для украинского народа. Его территория стала ареной активных военных действий, в ходе которых украинцы понесли большие потери без всякой надежды на то, что его страдания и жертвы не напрасны и в конечном счете будут оценены. Из всех воюющих держав лишь Германия проявляла некоторое сочувствие к украинскому национальному движению, но оно носило главным образом теоретический характер и никак не влияло на улучшение жизни народа. Две же ведущие восточные державы – Россия и Австро-Венгрия – неизменно оставались чуждыми чаяниям украинцев. Это, безусловно, поставило перед ними непреодолимое препятствие в борьбе за независимость, хотя в то время появились радетели за народное дело, а вокруг движения – ореол героизма. Рост украинского национализма в годы Первой мировой войны обусловлен не столько силой или зрелостью движения, сколько ослаблением и окончательным крахом наиболее принципиальных его противников – Австро-Венгрии и России, особенно последней.

Глава 2. Военные цели Германии на Востоке и в Украине, 1914–1916 годы

В начале Первой мировой войны германская «остполитик» пребывала в довольно неопределенном состоянии. Поэтому неудивительно, что рейх не имел четкой цели на ранней фазе войны на Востоке. В самом деле, первые два года конфронтации германо-русское взаимопонимание на основе статус-кво могло быть вполне реальным. Ни немцы, ни русские в тот период не делали официальных заявлений, чтобы исключить возможность заключения сепаратного мира. Германский план аннексии русской Прибалтики не афишировался до 1916 года. В свою очередь, имперский канцлер Теобальд фон Бетман Гольвег, никогда не поддерживавший его, продолжал, по крайней мере в течение лета этого года, добиваться мира с Россией на известных принципах.

Тем не менее то, что воплотилось в невинную формулировку «улучшения границ на северо-востоке», входило в число ранних требований, выдвигавшихся во время войны различными частными организациями и влиятельными людьми в Германии. Следовательно, с началом боевых действий на Бетмана Гольвега оказывалось сильное давление с целью добиться от него территории в Прибалтике и Западной Польше. Однако в середине 1915 года имперский канцлер лишь ограничился осторожным высказыванием, что «прежние условия» в Европе не следует восстанавливать и ежели она желает мира, то путь к нему лежит через достижение Германией более сильных позиций на континенте. В другом выступлении в рейхстаге в апреле 1916 года канцлер конкретизировал сказанное накануне. Он заявил, что русским армиям нельзя больше позволять маршировать через незащищенные границы Восточной и Западной Пруссии.

Лишь в конце 1916 года Германия определенно встала на путь территориальной экспансии на северо-востоке. Фактически именно эту территорию Германия открыто стремилась аннексировать за счет России до марта 1917 года. Бетман Гольвег согласился на проведение такой политики исходя главным образом из соображений стратегии и безопасности. Германские планы в отношении Украины, Причерноморья и других территорий на юго-востоке были разработаны позднее, весной 1918 года.

Утверждение о том, что Германия вступила в Первую мировую войну без четкой стратегической и тактической программы в отношении Востока, считалось долгое время определяющим среди немецких и других западных исследователей данного периода.

Недавнее исследование Фрица Фишера военных целей Германии смело ставит под сомнение это положение. С его точки зрения, немцы проводили политику «экономической экспансии» в Польше, Румынии и Южной России задолго до начала Первой мировой войны, а с августа 1914 года и далее германское правительство реализовывало конкретный план, направленный на создание нескольких буферных государств, включая украинское, тесно связанных с Германией отношениями в политической, военной, экономической и культурной областях как на Западе, так и на Востоке.

Большинство немецких историков отнеслись критически к радикальному пересмотру Фишером существующего положения относительно германских военных целей, выдвинутого в 1929 году Эрихом Отто Фолькманом. Одним из его критиков был Людвиг Дехио, одно время являвшийся редактором наиболее влиятельного исторического журнала в Германии «Хисторише цайтшрифт», который в 1959 году писал: «Наша антирусская миссия в то время была какой угодно, только не устоявшейся. До 1914 года мы явно не принимали русскую угрозу всерьез, и даже после начала войны мы предпочитали отмахиваться от нее либо на основе кон-

сервативной, прусской, континентальной традиции, либо на основе наших вновь появившихся военных амбиций (Тирпиц)».

В самом деле, даже в разгар немецкой экспансии на Востоке в 1918 году никогда не упускалась возможность германо-русского примирения. Даже генерал Эрих Людендорф, убежденный сторонник жестких мер в тот период, не исключал такой возможности.

Даже более яркий пример поддержки существующего положения относительно германских военных целей – пример эмоциональной защиты канцлера Бетмана Гольвега, позицию которого Фишер критиковал больше всего, – Герхард Риттер привел в своем капитальном труде «Искусство управления государством и ремесло войны». Весь третий том своей главной работы выдающийся немецкий историк посвятил деятельности канцлера Бетмана Гольвега во время войны. Он предпринял блестящую попытку отстоять и восстановить имидж канцлера как истинного государственного деятеля, который при любых обстоятельствах оставался верным своим убеждениям, заключавшимся в умеренности и компромиссе.

В третьем томе утверждается, что в течение войны, пока Бетман Гольвег занимал пост канцлера, официальные германские военные цели и планы постоянно менялись. Возможно, он был прав, намеренно неопределенно формулируя военные цели центральных держав, надеясь договориться о примирении хотя бы с одной из противостоящих сторон. Однако, поступая таким образом, он, в свою очередь, мирился с тем, что пропаганда союзников часто представляла неофициальные и во многом безответственные программы и устремления различных немецких организаций как официальную позицию центральных держав. Внутри Германии эти приватные планы также часто рассматривались как отражение официальной позиции германского правительства, что сегодня все еще остается источником разногласий и споров.

Многие критики Фрица Фишера не преминули заметить, что он придает слишком большое значение частным меморандумам, петициям и другим подобным документам, которые готовились на разных этапах войны. Они, в частности, ссылались на толкование Фишером документа «Сентябрь, 1914, Программа» Бетмана Гольвега. По мнению Фишера, тот содержал большую часть экспансионистских планов, которые предстояло осуществить немцам в ходе войны, но такое толкование следует считать «слишком радикальным».

Тот факт, что документы Бетмана Гольвега были уничтожены в 1945 году, лишает нас возможности окончательно разрешить этот спор. Тем не менее имеется дневник его помощника и секретаря Курта Рицлера, человека, которому канцлер доверял сокровенные мысли и чувства. Он еще не опубликован, но американский исследователь истории Германии Фриц Штерн сделал обстоятельный и реалистичный анализ его содержания. Безусловно, дневник Рицлера не может заменить документы Бетмана, но, учитывая, что никто не общался с канцлером в военное время столь часто, его записи также являются ценным источником сведений о военных целях Германии в годы Первой мировой войны.

Интересно, что «Сентябрь, 1914 год, Программа» (Фишер преподносит этот документ о Первой мировой войне как один из наиболее откровенных и судьбоносных) Рицлер даже не упоминает. Впоследствии внимательное изучение дневника Рицлера побудило Штерна сделать вывод об отсутствии доказательств вынашивания Бетманом экспансионистских планов и о том, что «дневник не содержит ни настроений упоения победой, ни свидетельств существования некоего плана завоеваний. Скорее, он свидетельствует об унылой, сумбурной, произвольной импровизации в планировании и бесконечных спорах в ходе осуществления планов».

Атмосфера изменчивости и неясности вокруг официальных военных целей Германии в значительной степени способствовала успешной деятельности сторонников различных политических направлений, стремившихся повлиять на «остполитик» рейха. Термин «направление» употребляется здесь несколько произвольно, поскольку такие группы активистов не были оформлены организационно, а их руководителей и участников не всегда можно четко определить. Тем не менее можно выделить пять основных направлений или концепций:

1. Экспансионистское направление, наиболее тесно связанное с идеей «Дранг нах остен» (бросок на Восток).
2. Проект «Средняя Европа» (или проекты).
3. Польское направление, которое в некотором отношении являлось частью концепции «Средняя Европа».
4. Восточноевропейское направление, ориентированное на политику так называемых пограничных государств.
5. Русское направление, сторонники которого отстаивали идею единства и неделимости России и естественного продолжения этой идеи – тесного сотрудничества с великим восточным соседом Германии – концепцию, имеющую глубокие корни в сознании немцев.

Наиболее динамичная сила (в рамках аннексионистского направления) – пангерманисты, объединявшиеся вокруг партии Отечества. Они проявляли особую активность в продвижении идеи «Дранг нах остен». В меморандуме, представленном Бетману Гольвегу в сентябре 1914 года, лидер пангерманистов Хайнрих Класс призывал правительство Германии следовать смелому плану, предусматривающему создание независимой Украины, которая поддерживала бы тесные связи с Германией и имела бы с ней общую границу. Хотя канцлер не отреагировал на эти призывы и распорядился положить меморандум под сукно, пангерманисты не отказались от продвижения важного проекта для Востока.

Влиятельная сила в начале войны – пангерманисты – не являлась таковой в германской политике конца 1917 года. Их влияние вообще трудно определимо и нередко преувеличивается. Согласно данным некоторых ранних исследований, германское правительство сочувствовало аннексионистским планам пангерманистов. Фишер, определяющий число пангерманистов в 25 тысяч человек, утверждает, что эта группировка оказывала во время войны постоянное и сильное влияние на все аспекты политической, социальной и культурной жизни Германии. Однако Альфред Крук, который исследовал эту проблему гораздо основательнее, чем Фишер, довольно убедительно показал, что канцлеры Германии военного времени – Теобальд фон Бетман Гольвег, Георг Микаэлис, Георг фон Хертлинг, князь Максимилиан Баденский – твердо противостояли давлению пангерманистов, которое оказывалось на них во время войны. Более того, пангерманистам не давали даже донести свои взгляды до кайзера Вильгельма II, не говоря уже о привлечении монарха на свою сторону. Также не увенчались успехом их попытки в октябре 1917 года убедить генерала Эриха фон Людендорфа взять на себя диктаторские полномочия, несмотря на то что он нередко разделял взгляды пангерманистов.

Согласно взглядам Генри Корда Мейера, американского исследователя, долго изучавшего эту проблему, идея «Средней Европы» «играла подчиненную роль в официальных военных целях Германии и встречала сопротивление большинства военных и дипломатических лидеров Габсбургской монархии». Она представляла собой план экономического сообщества, основу которого должен был составить таможенный союз Германии и Австро-Венгрии с присоединением в последующем большинства малых и средних государств Европы. Мейер также пришел к заключению, что «только германский МИД постепенно проявлял искреннюю заинтересованность в какой-то форме средневропейской экономической интеграции». Фриц Фишер в своем более позднем исследовании, основанном на германских архивах, придает гораздо большее значение агитации за «Среднюю Европу», включающую малые восточноевропейские государства между Германией и «усеченной Россией». Бетман Гольвег, согласно утверждениям Фишера, неоднократно вел речь о ней и рассматривал как мощный фактор в формировании военных целей рейха. Согласно точке зрения Фишера, и Бетман Гольвег, и Рихард фон Кюльман (статс-секретарь канцлера по международным делам) рассматривали «Среднюю Европу» как наиболее удобный путь укрепления силовой позиции Германии на континенте и как предпосылку проведения рейхом «мировой политики». Штерн, изучая дневник Рицлера, пришел к такому же основному выводу. Тот целиком разделял убеждение Бетмана, что «такой новый

порядок в Европе обещал больше постоянства, чем откровенная аннексия чужой территории». Рицлер также допускал, что «Средняя Европа» «была европейской маскировкой нашей воли к власти».

Никто не рассматривал Украину в ходе реализации важных проектов. В планах «Средней Европы» центральное место занимала польская проблема. Польша стала «горстью подлинной средневропейской земли» не только для Фридриха Наумана, главного разработчика концепции, но и для других приверженцев такой политики. Польская декларация от ноября 1916 года, принятая Берлином и Веной во время подъема или спада агитации за «Среднюю Европу», приветствовалась Науманом и его сторонниками как важный шаг в направлении осуществления намеченной цели.

Следовательно, немецкий историк Ханс Бейер был прав, расценивая период с конца 1914 по 1916 год как время, когда тень Польши доминировала «во всем треугольнике Берлин – Будапешт – Вена». То, что украинская проблема не играла существенной роли в немецкой экспансии на Востоке в этот период, вполне можно объяснить влиянием концепции «Средней Европы» на официальную политику Германии относительно Польши. Лишь в первые месяцы войны германская печать и определенные официальные круги уделяли Украине повышенное внимание.

Согласно проекту Наумана, в «Среднюю Европу» включалась только часть украинской территории, находившаяся под управлением Австрии (Восточная Галиция и Северная Буковина). Такая его осторожность в подходе к данному вопросу понятна. В конце концов, пока Россия являлась сильной державой, до тех пор сохранялась надежда прийти к соглашению с ней. Науман не мог идти в своих планах дальше Польши. Однако имеются определенные свидетельства того, что он разделял национальные чаяния «пограничных народов», о которых получал информацию от своего друга и соратника Пауля Рорбаха. Ханс Бейер идет даже так далеко, что ставит в заслугу Науману внесение вклада своими работами по «Средней Европе» (с ними ознакомились сотни тысяч людей в Германии, Австрии и других странах) в лучшее понимание проблем «пограничных народов» Российской империи и повышение заинтересованности в их судьбе.

Науман занял четкую позицию по украинской проблеме только после заключения договора с Украиной в Брест-Литовске 9 февраля 1918 года. Он приветствовал его как позитивный шаг на пути реализации плана «Средней Европы» (хотя он имел в виду прежде всего продовольственные поставки из Украины). Вскоре после этого Вальтер Шотте, редактор еженедельника «Средняя Европа», ссылаясь на Украину как на «составляющую часть «Средней Европы». Все это было, однако, просто самообманом. Первоначальная концепция «Средней Европы» 1915–1916 годов умерла. В то время как одни деятели упорно отказывались признавать это, другие быстро двинулись дальше и приспособили свою «Среднюю Европу» к концепциям «Дранг нах остен» Людендорфа и «Восточной Европы» Рорбаха. Фриц Фишер, который, вопреки Мейеру, усматривает тесную связь между планами сторонников «Средней Европы» и официальной политикой Германии, полагает, что с крахом России эта идея уступила место плану «абсолютного господства на Востоке».

В бесконечных дебатах вокруг «остполитик» рейха также важную роль сыграло движение «Восточная Европа». Не будет преувеличением отождествить это идейное течение с Паулем Рорбахом, поскольку никто в Германии военного времени, кроме него, не сделал так много для развития и распространения идей, связанных с концепцией «Восточная Европа». Он был не только наиболее активным автором, но также являлся наиболее известным представителем данного течения и бесспорным лидером движения. Пауль Рорбах достиг впечатляющих успехов в публикации своих произведений еще до начала Первой мировой войны. Как прибалтийский немец, он хорошо знал Россию, владел русским языком и активно занимался изучением социальной, экономической и политической жизни империи после того, как покинул ее и посе-

лился в Германии, на родине своих предков. Рорбах, который в то время путешествовал по миру больше, чем кто-либо из его соотечественников, сделал себе имя в качестве эксперта по вопросам колониальной политики и немецких колонистов. Он также проявил себя как знаток ближневосточных проблем и сторонник немецкой экспансии в этом регионе, а также как приверженец концепции «Средняя Европа» и, наконец, зарекомендовал себя исследователем России и ее национального вопроса.

Многие другие представители этого идейного течения также были прибалтийскими немцами. Возможно, наиболее выдающимся из них был Теодор Шиман, которого можно считать учителем Рорбаха и основоположником теоретического направления «Восточной Европы». Шиман, авторитетный профессор университета и исследователь в области русской истории, первым выдвинул тезис, что царская Россия является искусственным конгломератом разных народов, имеющих право на самостоятельное существование. Будучи более влиятельным, чем его ученик (он состоял в дружеских отношениях с кайзером Вильгельмом и советником монарха до и после войны), Шиман отличался более узким подходом к «остполитик», чем Рорбах, и в первую очередь добивался аннексии рейхом Прибалтики. Как полагает Фишер, тот имел значительное влияние в МИД, а также среди военного руководства рейха, особенно тех, кто занимался административной деятельностью на восточных оккупированных территориях. Возможно, Шиман имел какое-то отношение к идеям, которые разделяли такие деятели, как полковник Макс Гофман (впоследствии генерал) или генерал Людендорф, но нет доказательств того, что с его взглядами считались и в МИД, как утверждает Фишер.

С началом войны Рорбах и его единомышленники стали еще больше акцентировать внимание на многонациональном составе Российской империи. Они стремились добиться ее расчленения путем достижения конкретной военной цели. Один из наиболее важных шагов в этом направлении – восстановление «старой исторической разграничительной линии между Москвией и Украиной», что предполагало обретение последней полной независимости. Излишне уточнять, что такое украинское государство должно было бы иметь тесные экономические и политические связи со среднеевропейским объединением во главе с Германией.

Польша и Финляндия должны были тоже получить независимость. Что касается прибалтийских провинций, то в отношении них Рорбах имел свои виды. Подлежали отторжению от России не только Курляндия, Ливония и Эстония, но также Литва. Эти территории объединялись в так называемый Балтикум, который предполагалось заселить немцами из других частей России. Рорбаха часто называли пангерманистом, главным образом из-за его отношения к народам Прибалтики.

Нет сомнений, что Рорбах не учитывал надежды и чаяния этих небольших этнических групп с сильно развитым чувством национального самосознания, но при этом он спешит предостеречь соотечественников против высокомерного отношения «господствующей нации» к народам Прибалтики и призывает предоставить им автономию, сделав их партнерами в общем деле. За такие взгляды пангерманисты резко критиковали и осуждали Рорбаха.

Сторонники концепции «Восточная Европа» внесли свой вклад в дело популяризации украинского вопроса в Германии военного времени. Правда, он поднимался многими германскими политологами не столько из-за того, чтобы добиться расчленения Российской империи и создания ряда новых независимых пограничных государств на Востоке, сколько в надежде дожидаться развала или, как минимум, ослабления русской армии и обеспечения победы центральных держав на Восточном фронте. Однако с самого начала деятели типа Рорбаха разрабатывали далекоидущие планы установления нового порядка на Востоке и безоговорочно поддерживали создание независимой Украины.

Помимо германских политологов, выступавших за создание независимой Украины, имелось немало украинцев из Галиции, а также эмигрантов из Восточной Украины, пропагандировавших эту идею либо самостоятельно, либо при немецкой финансовой поддержке. Ханс

Бейер выделяет «пять основных украинских тезисов», которые встречаются в большинстве пропагандистских материалов подобного рода:

1. Украинцы образуют отдельную, отличную от других нацию, а не ответвление русизма. Украинский язык – самостоятельный язык, а не диалект русского.

2. Украинское возрождение прослеживается от «Энеиды» Котляревского, а национальное движение однотипно с другими движениями народов Центральной и Восточной Европы. С 1798 года (дата публикации «Энеиды» на украинском языке) оно укрепились и приобрело размах, стало мощной политической силой в Приднепровье.

3. Это национальное движение преследует цель отделения от России и стремится к сотрудничеству с центральными державами.

4. Не только москвиты, но и поляки являются естественными врагами Украины (это было общее мнение украинцев Галиции и политологов-эмигрантов из Восточной Украины).

5. В экономическом отношении Украина – ключевой регион Востока. Ее отделение от Москвы внесет существенный вклад в победу центральных держав.

Эти усилия Германии, несомненно, стали важным источником вдохновения для украинцев Австро-Венгрии, так же как и для писателей-эмигрантов и политических лидеров из России, которые видели в Рорбахе и его сторонниках серьезную силу, оказывавшую сильное воздействие на официальную политику Германии. Однако, поскольку во время войны связи между центральными державами и Россией прервались, влияние этих германских публикаций на украинское национальное движение было незначительным.

Степень влияния сторонников концепции «Восточная Европа» на официальные разработки и планы в отношении Украины определить непросто. Согласно утверждению Фит Валентина, политические взгляды Рорбаха в значительной степени и неизменно влияли на германскую «остполитику». Они, по его мнению, играли весьма важную роль вплоть до подписания договора в Брест-Литовске. Генри Корд Мейер, изучавший труды Рорбаха более глубоко, чем Валентин, пришел к другому заключению. Он считал, что сам Рорбах и его концепция перед русской революцией пользовались лишь незначительной поддержкой среди немецких политиков и что влияние ученого на официальные взгляды чересчур преувеличено. Дмытро Дорошенко также пришел к выводу, что там, где немецкая печать и, в меньшей степени, общественное мнение поддерживало активную политику на Востоке и использование украинского движения против России, правящие круги Германии и Австрии воздерживались от открытого выражения собственных симпатий. Фактически среди влиятельных политических лидеров рейха лишь бывший канцлер князь Бернхард фон Бюлов понимал важность Украины для германской политики и без колебаний, публично высказывался по этому поводу.

Хотя политическое и военное руководство Германии было обязано своим знанием Востока концепции Рорбаха, последний, видимо, не сумел сильно повлиять на официальные взгляды. Из заявления самого Рорбаха известно, что в июне 1916 года он беседовал с Бетманом Гольвегом и вскоре после этого пытался добиться поддержки собственной концепции со стороны генерала Людендорфа. Он встретился с генералом и полковником Гофманом в Ковно, познакомив со своим планом развала Российской империи. В ответ Людендорф сказал: «Это – политика, в которую я как солдат не должен вмешиваться. Если бы мне приходилось определять нашу политику, то она свелась бы к простому тезису – я ненавижу Англию!»

Просьбу Рорбаха по поводу встречи с фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом Людендорф отверг в присущей ему прямой солдафонской манере, но на Гофмана Рорбах произвел сильное впечатление. Полковник отзывался о нем весьма уважительно. Однако в данном случае это было не столько результатом влияния, сколько следствием сходства взглядов. Более того, в наиболее сложный период участия Германии в делах Украины – во время оккупации ее немцами – ни Гофману, ни Рорбаху не позволили принимать активное участие в происходящих событиях.

Рорбах поддерживал тесные связи с германским МИД и сотрудничал с ним через Бюро пропаганды и информации данного ведомства до весны 1917 года, когда решил уйти в отставку «из-за отсутствия в министерстве иностранных дел объективности в отношении России». Визит Рорбаха в Украину в мае 1918 года, предпринятый по инициативе германского МИД, не сблизил его с официальными кругами.

Таким образом, в Германии того времени Рорбах пользовался влиянием в основном как известный писатель и популярный лектор. Его концепция «Восточная Европа» никогда не оказывала непосредственного и продолжительного воздействия на какого-либо важного политического или военного деятеля рейха. Переговоры в Брест-Литовске и последующая политика рейха в Украине в период оккупации (март – ноябрь 1918 года) проходили без Рорбаха и учета его рекомендаций.

Русская концепция (в ее разработке русские не принимали никакого участия) играла более важную роль в формировании «остполитик» рейха военного периода, чем другие – конкурирующие. Отождествляемая с концепцией «единства России», она глубоко укоренилась в немецком сознании и ассоциировалась с Бисмарком и его политикой. Это обстоятельство значительно укрепляло позицию ее приверженцев.

Профессор Отто Хециш, известный немецкий историк и депутат рейхстага, был наиболее влиятельным сторонником этой концепции и также считался ее основоположником. Русская концепция не публиковалась так много и часто, как «Восточная Европа» и «Средняя Европа». Ее распространение даже отдаленно не может сравниться с лавиной памфлетов и других печатных материалов, выпущенных сторонниками пангерманской идеи. Однако сторонники этой концепции поддерживали тесные связи с рядом влиятельных депутатов рейхстага (Густав Штреземан и Вальтер Ратенау) и, согласно утверждению Ханса Бейера, пользовались большим влиянием на правительственных чиновников и военных, «с поддержкой которых идея неделимости России стала фактически догмой».

Вместе с тем более глубокое исследование роли университетской профессуры в Германии военного времени рисует несколько противоречивую картину. Влияние профессора Хециша считается столь же значительным, как и у его коллеги и соперника Теодора Шимана. В то же время первый изображается довольно одинокой фигурой среди своих коллег по изучению России из-за его исключительно прорусской позиции. Фишер пошел еще дальше, сделав вывод, что русская концепция Хециша «потерпела сокрушительное поражение» от ее противников.

Разумеется, степень влияния сторонников различных концепций на принятие руководством страны политических решений невозможно измерить сколько-нибудь точно. Нельзя также не учитывать важность национальных обычаев и традиций, которые сторонники русской концепции Хециша взяли себе на вооружение. Эммануил Бирнбаум своевременно напоминает нам, что во всех германских партиях имелись как прорусские, так и антирусские фракции. Надо, следовательно, видеть различие между влиянием Хециша на ранней фазе войны, которое, очевидно, было не слишком большим, и следующими факторами: влиянием русской концепции в период усилий, предпринимаемых сторонами по заключению сепаратного мира (1915-1916 гг.); падением ее влияния во время переговоров в Брест-Литовске; медленным, но очевидным усилением этой политической жизни летом 1918 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.